

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480–2015

Санкт-Петербург
2017

Редакция журнала:
К.В. Нагорный
В.В. Пенской
А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук О.В. Ковтунова
кандидат исторических наук А.Н. Лобин
кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков
кандидат исторических наук Е.И. Юркевич
Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Селезнев Ю.В.

MILHIST

INFO

**Селезнев Ю.В. Предисловие к специальному выпуску № 5
«[Стояние на реке Угре 1480-2015](http://www.milhist.info/2017/09/12/seleznev)»**

Ссылка для размещения в Интернете

<http://www.milhist.info/2017/09/12/seleznev>

Ссылка для печатных изданий

Селезнев Ю.В. Предисловие к специальному выпуску № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — С. I-IX <<http://www.milhist.info/2017/09/12/seleznev>> (12.09.2017).

**Seleznev Y. Preface to the Journal's issue No. 5 (2015) under
«[The Stand on the Ugra river, 1480](http://www.milhist.info/2017/09/12/seleznev)»**

Internet link

<http://www.milhist.info/2017/09/12/seleznev>

Reference

Seleznev Y. Preface to the Journal's issue No. 5 (2015) under «The Stand on the Ugra river, 1480» [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition V. Great stand on the Ugra river. — P. I-IX <<http://www.milhist.info/2017/09/12/seleznev>> (12.09.2017)

Селезнев Ю. В.

Предисловие

«Стояние на Угре» — крупное военно-политическое событие эпохи правления великого князя Ивана III. Как любое значимое событие оно имеет неоднозначные и противоречивые оценки. На момент вторжения большеордынского хана Ахмата русские княжества находились в зависимости от Орды уже около четверти тысячелетия (ок. 250 лет): если считать с момента документального и юридического оформления в 1243 г. — 237 лет; если считать с момента начала вторжения войск Батыея в 1237 г. — 243 года; если учитывать потерю суверенитета в рамках степной традиции по факту пленения верховного правителя в ходе битвы на реке Калке в 1223 г., когда киевский князь Мстислав Романович Старый был взят под стражу и препровожден в ставку Джучи (а уже там был казнен), то зависимость от монголо-татар будет насчитывать 257 лет.

Как видим, время установления ордынского ига¹ является не бесспорным утверждением. Столь же неоднозначным остается и вопрос о роли «Стояния» на Угре в свержении ига.

К примеру, Дональд Островски полагает, что современники не могли видеть качественных изменений в положении Великого княжества Московского, а, стало быть, их и не было². Чарльз Гальперин полагает, что в 1480 году мы не находим текстов, в которых поднимался вопрос о русском освобождении от татарского ига³.

А. А. Горский также обращает внимание на отсутствие в исторических источниках до середины XVI века связи между 1480 годом и освобождением от многолетней зависимости и полагает, что решающая битва, де-факто положившая конец ордынскому владычеству, произошла в 1472 году под Алексином⁴. Подобное мнение было высказано и А. К. Леонтьевым⁵.

Однако необходимо подчеркнуть, что юридически до времени правления великого московского князя Ивана Васильевича русские князья являлись подданными ордынского хана. Эта юрисдикция возникла по факту военного поражения в битве на Калке в 1223 г. и завоевания Руси в 1237–1241 гг. Суверенитет отныне нужно было отстаивать с оружием в руках, а право на независимость — завоевать в ходе безоговорочной победы.

Хотелось бы отметить, что за время соседства Руси и Орды между ними произошло 152 вооруженных конфликта. Из них 102 раза инициатором вторжения была ордынская власть. Войска русских княжеств вторгались в пределы ордынских улусов 50 раз⁶. Но ни один из этих конфликтов нельзя рассматривать в качестве войны за независимость. Только события на Куликовом поле могли бы претендовать на роль освободительной битвы, если бы противником Москвы был не узурпатор темник Мамай и если бы хан Токтамыш силой оружия не восстановил *status quo*⁷.

Следовательно, именно такой победой верховного правителя Руси над армией верховного правителя Орды и было столкновение русских и ордынских войск в районе реки Угры. Причем бой на переправах длился, по сведениям источников, четыре дня — с 8 по 12 октября (это не считая первой попытки ордынских войск форсировать Угру с марша 6 октября). То есть военные действия представляли собой упорные бои основных сил за приобретения тактического и стратегического преимущества. Сражение выиграл Иван III. Этот не воспетый в крупных эпических произведениях (в отличие, например, от Куликовской битвы) эпизод и является той самой военной победой, которая дезавуирует все победы ордынских правителей и, в особенности, Батюга (именно так, к примеру, оценивал события на Угре ростовский архиепископ Вассиан Рыло в своем знаменитом послании к великому князю).

Однако отсутствие привычного описания сражения в виде стандартной для того времени воинской повести не должно вызывать удивления. Ведь перед нами непривычная, «неправильная» для сознания того времени битва. Это не классическое полевое сражение с развертыванием полков и столкновением армий, это не длительная изнурительная осада города или крепости, не стремительный штурм укрепленного населенного пункта или опорной цитадели. Перед нами упорные позиционные бои, для описания которых не было сформулировано категорий. Поэтому такой войне присвоили определение «Стояние». И потомки, да и многие современники, увидели бездействие великого князя Ивана и упустили из вида военный подвиг четырехдневного противоборства значительных военных сил на речном рубеже и переправах. При этом в самой «Повести о стоянии на Угре» намечались формы изложения подобных столкновений. Впрочем, категории и способы описания военных конфликтов русского средневековья и их отражение в «Повести о стоянии на Угре» ещё ждут своего исследователя.

Разгром Большой Орды как правопреемницы Джучиева Улуса породил борьбу за наследство великой державы средневековья. Кроме права на самостоятельное государственное строительство, которое приобрела Русь во главе с московским князем Иваном Васильевичем, Крымский хан — победитель последнего хана Большой Орды в 1502 г. — рассматривал себя правопреемником и наследником Джучиева Улуса. Столь же серьезные претензии были у казанского хана, ибо там, в Казани, обосновался при образовании ханства «действующий» (во всяком случае, не убитый, даже не вполне отстраненный, а только вытесненный) хан Улуг-Мухаммед⁸ (правда, его дети и внуки ханами Большой Орды уже не были, что, впрочем, не мешало им чувствовать себя наследниками владений Джучи). Ногайская Орда и её правители считали, что именно они являются главными носителями степных традиций и власти на пространствах рассыпавшейся Орды.

Именно изменению политической обстановки в Восточной Европе посвящен целый ряд статей выпуска.

Узлы геополитических противоречий и пути их разрешения на рубеже XIV–XV вв. рассматриваются в статье Д. А. Селиверстова. Автор считает рубежом битву на Ворскле 12 августа 1399 г. Именно тогда определились, по его мнению, три основные силы, которые впоследствии

стали бороться за «Ордынское наследство» — Русь, Литва и Орда. Эти государства заключали между собой союзы, но их коалиции не меняли соотношения сил практически ещё целое столетие.

Единственная статья, посвященная непосредственно событиям 1480 г., принадлежит перу М.А. Несина. Автор обращает внимание на сведения Разрядных книг и Устюжской летописи и, анализируя военные события этих месяцев, отмечает, что поводом для нашествия Ахмата на Русь вполне могло послужить известие об усобице между Иваном III и его братьями Андреем и Борисом. Поэтому весьма важной причиной окончания похода могло стать отправленное хану известие о завершении противостояния и о том, что младшие братья прибыли на помощь в лагерь старшего в Кременец; именно усиление войск Ивана III заставило хана Ахмата отвести войска от Угры.

В статье В.В. Пенского отведено место уже событиям XVI в. В рамках изменения геополитической ситуации в Восточной Европе в XVI столетии описана борьба Русского государства и Крымского ханства. Автор предлагает рассматривать этот конфликт как схватку за «Ордынское наследство». Однако двустороннее русско-крымское противостояние представляет собой лишь одну грань борьбы за гегемонию в регионе. Без учета широкого геополитического контекста, сложившегося после падения Большой Орды, невозможно адекватно оценить происходящие процессы.

Это наглядно показано в статье М.В. Моисеева. Автор предлагает широкую панораму военно-политических отношений в Великой Степи. Он указывает, что к 1520 г. сложилась уникальная ситуация. Именно тогда Казахское ханство вышло в европейские степи, а Крымское ханство объединило свои силы с ногайскими. Но убийство Мухаммед-Гирея привело к очередному изменению ситуации в степи.

В рамках военного противостояния России и Крыма Д.М. Володихин рассмотрел подробности вторжения крымских войск в 1541 г. и «Стояния на Оке». Автор аргументировано указывает, что за время противоборства с Крымом московскому правительству удалось организовать эффективную оборону границ. Тем не менее снять угрозу прорыва противника за Окский рубеж не удалось.

Непосредственное влияние на изменение военно-политической ситуации имеет уровень развития военного искусства. Эволюции

тактике ведения военных действий крымских татар и ногаев конца XV — середины XVII вв. посвящена статья Л. А. Боброва. Автор вполне закономерно отмечает, что изменения в тактике кочевников вызваны необходимостью адаптации привычной военной системы к условиям эпохи «Пороховой революции». Л. А. Бобров рассматривает роль Османской Турции в переоснащении войск Крымского ханства. Результатом стал отказ от тактической идеи прорыва тяжелой кавалерией в пользу охвата легкой конницей, что позволило крымским татарам в полевых сражениях результативно действовать против кавалерии оседло-земледельческих народов.

Особое направление исследовательской мысли — история отношений Литвы и Орды. В предлагаемом номере журнала рассмотрены особенности этих отношений в эпоху «Стояния на Угре». В совместной статье Я. В. Пилипчук и М. А. Несин проанализировали военно-политические события отношений ВКЛ с постордынскими государствами в период правления великого князя литовского (1492 г.) и короля польского (с декабря 1501 г.) Александра Казимировича. Авторы отмечают важность в защите границ Литовского государства ополчений провинциальных магнатов и шляхты, оценивают отношения короля Александра с сыновьями хана Ахмата и отмечают, что в конце правления Александра сложились предпосылки для антирусского союза Польско-Литовского государства с Крымским и Казанским ханствами.

Немаловажное значение для уяснения особенностей отношений Литвы и Орды имеет характер и своеобразие их отражения в источниках, в частности, у польских и литовских хронистов. В ходе исследования «Стояния на Угре» Я. В. Пилипчук проанализировал свидетельства именно о событиях 1480 г. Автор приходит к выводу, что известия об отношениях Руси и Орды представляло собой политизированный памфлет, а не детальное описание реалий.

В другой статье Я. В. Пилипчук указывает на важную роль татарской конницы в ходе «Ливонской войны» или — по аргументированному выражению А. И. Филюшкина — «Балтийских войн»⁹ в рамках военных действий по уничтожению коммуникаций противника, опустошений окраин городов и сел, пленении местных жителей. (Тем самым противник лишался «гражданской» опоры). Тем не менее во второй половине XVI в. в полевых сражениях татары неизменно терпели поражения.

Еще один блок исследовательского интереса — это положение служилых татар в Русском государстве. Несомненно, важным аспектом анализа сословий вообще и служилых татар в частности является уяснение уже освещенных направлений истории проблемы. В качестве такой работы в выпуске предложена статья Б. А. Иллюшина, где он рассмотрел различные вопросы историографии военного дела служилых татар.

А. В. Беляков представил вниманию размышления об организационных формах особого военного сообщества — служилых татар. Однако автор отмечает, что источники не позволяют детально проследить эволюцию организационных структур служилых татар в Русском государстве XV–XVII веков — она, эта структура, остается нам, во многом, еще не понятна, а широко известные факты оказывается нелегко интерпретировать. Впрочем, автор приходит к аргументированному выводу, что татарская конница была органичным элементом в составе русской армии. И вполне закономерно, что изменения, затрагивавшие иные элементы армии, отражались и на служилых татарах. Именно поэтому изучение института служилых татар должно проходить в комплексе с исследованиями истории русской армии в целом.

История XVII в. связана с кочевниками, с которыми граничила Россия в то время. Этот аспект рассматривает П. Н. Барахович. Анализируя источники, автор отмечает особенность сибирских городов, в частности, Красноярска, в которых преобладал служилый элемент, а сами остроги имели большое сходство с русскими городами *«от русской украины»*. Эти наблюдения дают широкий сравнительный материал для дальнейших разработок истории военной организации на границах Русского государства в XVII столетии.

Несомненно, в развитии военного искусства немаловажную роль играет форма вооружения армий. Именно поэтому в выпуске был затронут ряд вопросов, связанных с эволюцией оборонительного и наступательного вооружения русской армии.

В частности, в статье О. В. Федорова представлена реконструкция доспеха нижегородского помещика Бориса Теряева из документа 1637 г. — *«...кафтан бумажной, а в нем застеган пансырь»*.

Сама же эволюция доспеха во второй половине XV в. рассматривается в статье О. В. Шиндлера, который приходит к выводу, что

распространение кольчатых, кольчато-пластинчатых, зеркальных и мягких доспехов можно соотнести с «московской модой», а её появление связать с непосредственными контактами с Ордой и влиянием наследников Джучиева Улуса.

Однако ряд утверждений автора вызвали комментарии и критику. Они вылились в ставшую традиционной для специальных выпусков журнала дискуссию, в которой приняли участие А. В. Быков, М. А. Несин, О. В. Комаров, Д. Е. Бузденков, Ю. А. Кулешов, В. В. Пенской и сам О. В. Шиндлер.

Таким образом, в специальном выпуске журнала «История военного дела: исследования и источники» в различных статьях предложена широкая панорама геополитических изменений и последствий «Стояния на Угре» и предшествующего периода.

Стоит обратить внимание, что в рамках рассмотрения военной истории вне внимания авторов оказались вопросы комплектования войск противников, тылового обеспечения, подготовки командного состава и осуществления тактического и стратегического командования во второй половине XV в. Особый интерес вызывает необходимость анализа форм и способов описания военных действий в источниках того времени — милитаристская риторика эпохи. Сюда же примыкают вопросы формирования «образа врага», «образа союзника», «образа победителя», «образа проигравшего». Ждут своего освещения темы, связанные с дипломатической игрой при заключении военно-политических союзов или разрыве отношений — формы и способы объявления войны.

Впрочем, в рамках одного, даже специального выпуска журнала все вопросы военной истории эпохи «Стояния на Угре» осветить невозможно, и обозначенные незатронутые темы намечают пути дальнейших исследований. Предложенные в выпуске работы представляют собой определенный итог изучения вопросов военного дела, связанного с кочевыми народами и государствами, дают важную опору для продолжения научного поиска в дальнейшем.

Ссылки

¹О термине «иго» см. например: Нолев Е. В. «Монголо-татарское иго»: Идеологический и методологический аспекты исторического дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — № 8. — С. 95–96; Рудаков В. Н. «Иго» монголо-татар: что стоит за историографическим термином? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2011. — № 3 (45). — С. 99–100; Селезнёв Ю. В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // Российская история. — 2012. — № 4. — С. 107–110; Селезнёв Ю. В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. — М., 2017. — С. 176–177.

²Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. — Cambridge, 2002. — P. 164–167.

³Halperin Charles J. The Tatar Yoke: The Image of Mongols in Medieval Russia. Corrected Edition. — Bloomington, 2009. — P. 171–189; Гальперин Ч. Татарское иго: Образ монголов в средневековой России. — Воронеж, 2012. — С. 182–200.

⁴Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2000. — С. 183–185.

⁵Леонтьев. А. К. «Стояние на Угре» в 1480 году. 500-летие свержения ордынского ига // 600-летие Куликовской битвы. Тезисы докладов и сообщений юбилейной научной конференции 8–10 октября 1980 г. — М., 1980. — С. 6–9.

⁶Селезнёв Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. — М., 2014. — С. 191.

⁷Горский А. А. Московско-Ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV века: причины, особенности, результаты // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. — М., 1998. — С. 33; Горский А. А. Москва и Орда... С. 100–118.

⁸Впрочем, не ясно, кто именно стал первым ханом в Казани — сам Улуг-Мухаммед, или его сын Махмуд («Мамотяк»). В настоящее время этот вопрос является дискуссионным. Современные источники не дают такой информации. Как известно, первые сведения об этом появляются в следующем, XVI ст. Но источники указывают разные имена. И историки тоже расходятся во взглядах, отдавая предпочтения разным версиям. После того, как в 1437 г. хан Улуг-Мухаммед был вытеснен из Сарая на север, он определенно не встретил в Среднем Поволжье серьезных конкурентов. Но до самой своей смерти (или ухода с политической сцены) в 1445 г. он практически все время занимался подготовкой и осуществлением грабительских походов на сопредельные земли. И мы не располагаем надежными и бесспорными свидетельствами о том, что он в промежутке между этими набегами более-менее основательно осел в Казани и провозгласил себя местным ханом. Не исключено, что это сделал уже его сын Махмуд в конце 1445 г. Другое дело, что Улуг-Мухаммед являлся родоначальником первой династии казанских ханов и именно он привел татар из Большой орды в Среднее Поволжье. Поэтому прямые потомки Улуг-Мухаммеда, правившие в Казани, и в самом деле имели определенные основания считать себя не ниже большеордынских Чингисидов. (*Прим. Отв. редактора-составителя*).

⁹Филюшкин А. И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. — М., 2010. — С. 91.